

ББК 66.3(2Рос),15

Т. Б. Рябова

«РОДИНА-МАТЬ» В ПРАКТИКАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Статья посвящена исследованию роли символа «Родина-мать» в практиках политической мобилизации современной России. В первой части статьи рассматриваются субъекты, ресурсы, типы и механизмы политической мобилизации. Во второй части показана роль символов в практиках политической мобилизации. В заключение автор анализирует формы использования материнского символа России на примере образа с плаката И. Тоидзе «Родина-мать зовет!». Делается вывод, что разные политические акторы будут привлекать материнский символ и на предстоящих парламентских и президентских выборах.

Ключевые слова: «Родина-мать», политическая мобилизация, мобилизационный призыв, символическая политика, постсоветская Россия, плакат И. Тоидзе «Родина-мать зовет!».

T. B. Riabova. The “Motherland” in the practices of political mobilization

The article dwells upon the role of the symbol of the Motherland in the practices of political mobilization in the post-Soviet Russia. In the first section of the article the author demonstrates how political scientists study the phenomenon of political mobilization, its subjects, resources, types, and mechanisms. The next section focuses on the role which a symbol in general and the maternal symbol in particular plays in the practices of political mobilization. The final section deals with the problem of using the symbol of Motherland by the agents of mobilization in contemporary Russia. The author takes as an example the maternal image of the country from Iraklii Toidze’s famous poster “The Motherland calls!” which serves as one of the most prominent case of visualization of mobilization appeal. The representatives of various political forces exploit the image in multiple forms appealing to voting, to participate in anti-government actions, to support a certain candidate, to defend the Motherland against external and internal enemies. The author makes the conclusion that various political actors will employ the maternal symbol of the country on the parliament (2016) and presidential (2018) campaigns in Russia.

Key words: the “Motherland”, political mobilization, the mobilization appeal, symbolic politics, the post-Soviet Russia, Iraklii Toidze’s poster “The Motherland calls!”.

Женщина в российском обществе. 2015. № 3/4 (76/77). С. 124—137

© Рябова Т. Б., 2015

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00010 «Символ “Родина-мать” в символической политике современной России».

Рябова Татьяна Борисовна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления персоналом, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, riabova2001@inbox.ru (Dr. Sc., Professor at the Department of Sociology and Human Resource Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia).

В сегодняшней России наблюдается заметный всплеск интереса к политике, обнаруживающий себя в разнообразных формах, будь то массовые акции протеста 2011—2013 гг., беспрецедентное внимание граждан России к событиям на Украине на протяжении длительного периода или, скажем, использование политической символики — как на митингах, так и в повседневной жизни. «Возвращение» масс в политику обуславливает необходимость в новых подходах к анализу политических процессов и новой оценке роли «простых людей» в этих процессах. Автономное политическое участие, как становится ясным сегодня, невозможно; необходимым социокультурным и институциональным элементом вовлечения масс в политическую жизнь являются усилия агентов мобилизации. В качестве рабочего воспользуемся определением политической мобилизации как процесса включения индивидов в политику, в институты участия, представительства и действия (см. подробнее: [Экспертное обсуждение... , 2015])¹.

Одним из наиболее известных образов мобилизации в военное время является образ матери: либо в качестве аллегории страны, либо — матери солдата. В мобилизационной пропаганде разных стран матери взывают о помощи, посылают сыновей и дочерей в бой, оплакивают павших героев [Рябов, 2005]. Сложно переоценить ту роль, которую играет в отечественной военной культуре материнский символ на протяжении уже, как минимум, двух столетий [Рябов, 2014b]. В данной работе мы ставим цель рассмотреть вопрос о роли символа «Родина-мать» в политической мобилизации. Сначала мы остановимся на краткой характеристике понятия политической мобилизации, отметив, как в политической науке исследуются ее типы, субъекты, ресурсы и механизмы. Затем проанализируем, какую роль в мобилизационных процессах играют символы вообще и материнский символ в частности. Наконец в последней части статьи речь пойдет о том, как в современной России образ Родины-матери включают в свои мобилизационные практики различные политические акторы.

Источниками для анализа станут статьи, комментарии, визуальные материалы, материалы блогов и интернет-форумов, опубликованные в ведущих российских изданиях в период 2011—2015 гг.

Политическая мобилизация: субъекты, типы, ресурсы и механизмы

Политическая мобилизация имеет долгую историю изучения в политологии. В интерпретации ее природы длительное время доминировала теория К. Дейча (1960-е гг.), понимавшего политическую мобилизацию как следствие социальной мобилизации, в ходе которой разрушаются старые социальные, политические, экономические и психологические модели и паттерны поведения и появляются паттерны и модели новые — во всех сферах, включая политическую

¹ В различных определениях, однако, делается акцент на различных составляющих процесса: агентах, ресурсах, процессе мобилизации (см., напр.: [Большой толковый социологический словарь, 1999; Политология, 2001]). Ч. Тилли в труде «От мобилизации к революции» рассматривает мобилизацию как обязательный компонент коллективного действия (выгода, организация, мобилизация, возможность и коллективное действие как таковое) (см.: [Шульц, 2014: 25]).

(см. подробнее: [Cameron, 1974]). Переход к новым моделям создает условия и для развития политической сферы (в частности, для роста политического участия). В последующие десятилетия идеи Дейча были востребованы в исследованиях национализма, в том числе в работах основоположников модернистского подхода к интерпретации данного феномена (см., напр.: [Малахов, 2005]). Создание нации как принципиально новой формы политического и культурного сообщества (сообщества горизонтального, предполагающего, помимо прочего, интеграцию элит и масс) рассматривалось в тесной связи с политической мобилизацией: мобилизация приводит к развитию партий, союзов, движений, которые, в свою очередь, обеспечивают широкое политическое участие, вовлечение все новых членов в политический процесс, принятие ими социальных и политических норм и институтов и, как следствие, формируют в границах государства политическую солидарность (М. Вейнер, С. Хантингтон, Дж. П. Неттл, К. Велч) (см. об этом: [Cameron, 1974]). Критика социальной детерминированности теории Дейча привела к появлению еще одного важного предметного поля — роли субъектов/агентов мобилизации (Д. Камерон) [там же], а также влияния на процесс политической мобилизации исторического, социального и политического контекстов².

Охарактеризуем кратко инструментарий, предлагаемый для анализа политической мобилизации масс. Исследователи едины в том, что целью данного процесса является обеспечение политического участия [Экспертное обсуждение... , 2014; Кремень, 2013], а его специфика определяется мотивами участия³. В современной интерпретации политической мобилизации важное место занимает проблема *субъекта* мобилизации и его ресурсов. Государство, элиты, политические партии, движения — все эти акторы имеют возможность воздействовать на изменение политических ориентаций масс, обеспечивать своими ресурсами их политическое поведение (см. подробнее: [Marquette, 1981]). Различная значимость субъектов мобилизации, по мнению Д. Камерона, обуславливается тем, что они имеют разные способности адаптации идеологии к новым условиям и проводят разную политику использования ресурсов [Cameron, 1974]. Особую роль в политической мобилизации играет государство, которое создает для граждан возможность политического участия, распределяет ресурсы, влияет на процесс политической социализации и паттерны политического

² Обосновывающий этот тезис С. Роккан на материале политической жизни Норвегии показал, что массовая мобилизация может быть как составной частью нациестроительства и национальной интеграции, так и, напротив, может представлять собой компонент развития периферии, сопротивляющейся стремящемуся их подчинить центру [Rokkan, 1967] (см. об этом также: [Cameron, 1974: 143]).

³ При этом ответ на вопрос о механизмах политической мобилизации различается в зависимости от того, какие мотивы признаются ведущими. В 1950—60-х гг. исследователи видели эти мотивы в психологических особенностях личности, в последующие десятилетия преобладающей стала тенденция подчеркивать в качестве основного мотива чувство депривации, недовольства и неудовлетворенности, порождаемое структурной напряженностью социальной системы. В теории ресурсной мобилизации процесс связывается с увеличением ресурсов у организаций вследствие роста общественного благосостояния [Klandermans, 1984; Marquette, 1981; Шульц, 2014; Гончаров, 1995].

поведения, определяет значимость тех или иных социальных проблем в своей повестке дня и предлагает их решения [Mettler, Soss, 2004]. В свою очередь, индивиды являются не только пассивным объектом мобилизации; участвуя в протестном движении, в выборах, в общественных движениях и политических партиях или же просто подписывая интернет-петицию, они становятся субъектами мобилизации.

В *типологии* политической мобилизации, во-первых, обращает на себя внимание противопоставление соревновательной и авторитарной мобилизации. Первая характеризуется постоянным вовлечением граждан в политические отношения, автономными и активно работающими институтами артикуляции социально-политических интересов, а также единой системой демократических ценностей. Второй тип, распространенный в государствах с недифференцированными институтами и ролями, основан на пропаганде и принуждении масс к политическому участию [Гончаров, 1995]. Во-вторых, различают конструктивную и вынужденную мобилизацию; в первом случае группа с помощью своих ресурсов целенаправленно организует социальные действия (например, протест), во втором же мобилизация является стихийной, возникшей в результате кризисной ситуации [Яницкий, 2012]. В-третьих, мобилизация делится на позитивную и конфликтную. Позитивный тип мобилизации строится вокруг того потенциала, который несут в себе различные положительные эмоции (скажем, вокруг использования государственных гимна, флага, герба). Конфликтная же мобилизация основана на мобилизационном потенциале социальных конфликтов; важнейшую роль в этом случае играет образ врага [Кремень, 2013].

Что касается *ресурсов* политической мобилизации, то наиболее принятым является выделение таких, как организационные (например, инфраструктура, социальные сети и организации), культурные (знания, ценности, идеология), материальные (деньги и другие способы вознаграждения), социальные (солидарность) и человеческие [Гончаров, 1995] (об основных типологиях подробнее см.: [Jenkins, 1983]). В соответствии с данной типологией классифицируют и используемые *механизмы* мобилизационных процессов. Среди них выделяют принуждение с помощью административных/организационных ресурсов или ресурсов материальных (скажем, участие в митинге «за отгул»). В современном мире политическая мобилизация осуществляется по преимуществу непрямыми методами, будь то использование авторитета политического лидера или эксплуатация мобилизационного потенциала ценностей и символов [Аберкромби и др., 2008]. В последнем случае работа идет на уровне идей и символов и успех зависит как от апелляции к рациональности, так и от апелляции к чувствам [Klandermans, 1984; Marquette, 1981].

Одним из эффективных путей воздействия на индивидов и группы является апелляция к идентичности. Мобилизация идентичности индивидов и групп представляет собой необходимое условие консолидации любой группы: это позволяет ей выступать субъектом политического действия [Du Preez, 1980: 3, 7, 123]. Кроме того, власть, осуществляемая через дискурсивное воздействие на идентичность, значительно эффективнее, поскольку реализуется на микроуровне [Фуко, 1996; Smitherman-Donaldson, van Dijk Teun, 1988].

Наконец, важным методом политической мобилизации является мобилизационный призыв, успешность которого зависит как от образа агента мобилизации,

так и от репрезентаций общественной проблемы, способных активизировать социально-политическое восприятие и личностную активность индивидов [Гончаров, 1995].

Символ в практиках мобилизации

Символы, как таковые, играют важную роль в политической мобилизации. Их включают в свои мобилизационные практики политики и избиратели, партии и общественные движения, государство и элиты. По выражению М. Эдельмана, власти используют символ для манипуляции массами, а массы — для манипуляции режимом (см.: [Kowalewski, 1980: 439]).

Американский политолог Д. Ковалевски в качестве главных характеристик символа, позволяющего ему служить эффективным инструментом мобилизации, выделил сакральность и эмоциональную нагруженность, обусловленную его связью с особо значимым групповым опытом, а также тем обстоятельством, что в нем этот опыт сконцентрирован лишь в одной репрезентации, в одном знаке. Благодаря этим характеристикам, привлечение символов способствует, по мнению Ковалевского, во-первых, успешной рекрутизации мобилизуемой аудитории; во-вторых, радикализации группы, использующей символы (ее консолидации и готовности отстаивать свои символы и то, что они обозначают), и, в-третьих, более эффективному влиянию на аудиторию. Эксплуатация символов малозатратна, и это особенно важно для тех политических акторов, чьи материальные ресурсы ограничены [ibid.: 441—443].

Статья Ковалевского была написана еще в период холодной войны, и автор анализировал возможности, которые применение символов создает для организации антисоветских акций в СССР. Впоследствии на потенциал символов как ресурса политической мобилизации обратили самое пристальное внимание идеологи «цветных революций». Дж. Шарп в своих получивших широкую известность трудах о ненасильственных формах сопротивления власти подчеркивал роль символических акций [Шарп, 2011: 64—65], среди которых выделял такие, как, например, использование атрибутики, шествия, символическое освоение земель и даже раздевание в знак протеста; карикатуры и плакаты занимают, по его мнению, одно из центральных мест в организации общения с массовой аудиторией. Особенно значимыми символические акции являются в начале протестного движения: они способствуют привлечению внимания к проблеме [там же: 51]. Е. Пономарёва отмечает центральную роль символической составляющей в технологиях смены политических режимов; при этом происходит изменение символических иерархий, протекающее от отрицания старых символов до точного отбора новых [Пономарёва, 2012: 46]. Воспроизводству такой значимости символов способствуют современные средства массовой коммуникации, в том числе социальные сети, которые формируют новые смыслы и переформатируют мир [там же: 50, 54]. Особое место в символической политике «цветных революций» занимает использование цвета; несложный и узнаваемый символ обеспечивает идентификацию единомышленников (например, оранжевый цвет на Украине [Ситнова, 2011]; о роли цветных символов в сербском движении «Отпор» см.: [Чимерис, 2015]; о типологиях символов в «цветных революциях» см.: [Будина, 2014]).

Одним из символов, используемых в мобилизационных практиках, является материнский. Его мобилизационный потенциал определяется рядом факторов. Он восходит к мифологическим представлениям о материнской сущности родной земли, которые распространены у многих народов. Кроме того, он позволяет человеку при осмыслении политической проблематики пользоваться стереотипами семьи и семейных отношений, которые ему хорошо знакомы, поскольку связаны с его повседневным опытом. Далее, материнский символ приравнивает обязанности перед государством к сыновнему и дочернему долгу. Наконец, он создает некую естественную, семейную, родственную основу для солидарности и коллективной идентичности, без чего коллективные действия не были бы столь эффективны.

Символ матери активно используется в военной мобилизации многих стран в различные периоды истории. Военные плакаты включают в себя изображения страданий родины-матери, апеллируя тем самым к гендерной идентичности мужчин, к их роли защитника. Помимо этого, женские и материнские фигуры сами оказываются в центре военных событий; их воинская доблесть связана с использованием таких смысловых оттенков образа женственности, как сила, власть, мудрость, ассоциируемые в первую очередь с фигурой матери [Рябов, 2005].

Известны случаи эксплуатации символа и в политической мобилизации. Яркий пример — картина Э. Делакруа «Свобода, ведущая народ», изображающая Марианну, символ Франции, на баррикадах. Образ Матушки-России, освобожденной от царского гнета, был среди наиболее заметных мобилизующих символов в период Февральской революции, появляясь на знаменах, жетонах, наградах, обложках журналов и др. [Рябов, 2014b: 99—100]⁴.

«Родина-мать» в мобилизационных практиках

Призыв выступает важнейшим компонентом мобилизационных практик, и теперь мы хотели бы проанализировать использование одного из наиболее известных случаев визуализации мобилизационного призыва — образа Родины с плаката И. Тоидзе. Значимость этого образа, созданного в 1941 г., определяется не только мастерством художника, но и теми ассоциациями с мобилизацией периода Великой Отечественной войны, которые данный плакат вызывает⁵. В 1990-х гг. его использовала в мобилизации электората «народно-патриотическая оппозиция», обвинявшая президента Б. Ельцина и его окружение в национальном предательстве и «изнасиловании России» [там же: 107]

⁴ Можно найти немало свидетельств того, как образ «неньки Украины» использовался в мобилизации протестующих во время Евромайдана (напр.: [Россия, мать, иди гулять, 2015]). В апреле же 2014 г. МВД Украины выпустило обращение к бойцам «Беркута», в котором призвало их на службу новой киевской власти словами: «Теперь Мать-Украина нуждается в вашей помощи и участии как никогда» [Сабитова, 2014].

⁵ О мобилизующей силе образа может свидетельствовать и факт постоянных попыток использовать его в коммерческой рекламе — попыток, которые, как правило, вызывают возмущенную реакцию наших соотечественников различных политических взглядов, а иногда и судебные преследования [«Родина-мать» в рекламе, 2015].

(прил., ил. 1). В 2000—2010-х гг. к эксплуатации этого образа обратились и другие политические силы. Рассмотрим формы, в которых осуществляется включение этого образа в мобилизационные практики.

Прежде всего отметим, что он остается востребованным в критике власти; его привлекают представители КПРФ и других партий левой ориентации, сторонники движений русского этнического национализма и даже участники протестного движения 2011—2013 гг. (так называемой Болотной революции) (прил., ил. 2). В этом случае «Родина-мать» выступает символом народа, страдающего от коррумпированной власти. Ситуация меняется в последние три года: в результате обострения отношений с Западом в условиях украинского кризиса, а также превращения либеральной прозападной оппозиции в основного оппонента Кремля «Родина-мать» используется в качестве символа государства. В таких условиях сакральность символа служит не только усилению эффективности мобилизационного призыва, но и его радикализации, объединению «своих» вокруг власти, с которой, как предполагается, этот символ должен ассоциироваться, и одновременно отмежеванию от политических оппонентов, которые нередко маркируются как пятая колонна. Так, исследуемый образ использовался в листовках, призывающих прийти на митинг против «оранжевой революции» в России, состоявшийся на Воробьевых горах 23 февраля 2012 г. [Агумава, 2012] (прил., ил. 3). Любопытен контекст, в котором символ Родины был использован для делегитимации оппозиции на демотиваторе, посвященном одному из заметных событий парламентской кампании 2011 г., когда непосредственно перед выборами в храме Христа Спасителя была выставлена православная святыня — часть пояса Пресвятой Богородицы (прил., ил. 4). Широкий интерес граждан России к ней был интерпретирован и как верность православию, и как поддержка власти. На рисунке образ Родины-матери приобретает религиозные черты, сливаясь с образом Богородицы. В качестве «агентов Госдепа» и предателей промаркированы представители либеральной оппозиции [Рябов, 2015]. Кроме того, пресловутый «Госдеп» показан как альтернатива Всевышнему, оппонент Богородицы как воплощения традиционных ценностей, включая ценности семейные, и враг Родины; тем самым исследуемый образ выступает культурно-символическим фактором современного российского антиамериканизма (подробнее о гендерном аспекте антиамериканизма см.: [Рябова, Романова, 2012])⁶.

Анализируемый образ был широко представлен и в дискурсе легитимации присоединения Крыма к РФ [Рябов, 2014а] (прил., ил. 5). Очевидно, в данном случае мобилизационный призыв направлен не только населению полуострова, но и гражданам России; тем самым борьба с национал-радикалами Евромайдына была представлена как продолжение Великой Отечественной войны.

Еще одна форма рекрутизации электората — это призыв поддержать того или иного политического актора; сегодня к подобной агитации прибегают представители многих партий, включая и «партию власти». Например,

⁶ О роли гендерного дискурса в политике национальной идентичности и дискурсе Болотной революции — подробнее см.: [Цалко, Рябова, 2010; Рябова, Рябов, 2010; Riabov, Riabova, 2014].

на региональных выборах, состоявшихся в сентябре 2015 г., один из кандидатов поместил в свои агитационные материалы рисунок, на котором «Родина» призывает голосовать за «Единую Россию» [«Родина-мать», печатный орган... , 2015].

Наконец, «Родина-мать» используется в такой форме мобилизации, как обеспечение участия в голосовании, которое тем самым позиционируется в качестве гражданского долга. Любопытным примером стала фотография, получившая приз за «самый креативный» призыв принять участие в выборах на проводимом в Удмуртии республиканском конкурсе «Голосовать — это модно!»: девушка сфотографировала себя в образе Родины, несколько «современив» его... (прил., ил. 6) [Самую креативную фотографию... , 2014].

Таким образом, материнский образ Родины, благодаря своей значимости, привлекает внимание (внимание, заметим, является формой политического участия), а также обеспечивает мобилизацию граждан на политические действия, увеличивая эффективность мобилизационного призыва и обеспечивая поддержку политического актора, будь то государство или политическая партия.

Сакральным статусом наделяются и те артефакты, которые призваны символизировать Родину; в связи с этим представляет интерес то внимание, которое общественность уделила прецеденту, связанному с десакрализацией монумента «Родина-мать зовет!», установленного на Мамаевом кургане (скульптор Е. Вучетич). В 2012 г. чиновники администрации Волгограда решили «повысить инвестиционную и туристическую привлекательность города» путем ребрендинга, призвав найти замену традиционному бренду, связанному с монументом Вучетича, как «слишком мрачному» [Как чиновники искали «новый символ» Волгограда... , 2012]. Примечательно, что эти намерения осудили представители самых различных политических сил⁷. Даже Патриарх Кирилл, выступая в дни обсуждения этой проблемы на Форуме православных женщин, счел нужным заявить: «Статуя Родины-Матери на Мамаевом кургане олицетворяет подвиг всего нашего народа во время Великой Отечественной войны. У этого подвига — женское лицо, как женское лицо у нашей Родины» [Патриарх Кирилл, 2012].

Еще один получивший широкую известность случай — реакция на включение одним американским еженедельником волгоградского монумента в список «самых нелепых строений советской эпохи». Этот список, опубликованный накануне Дня Победы, вызвал тысячи негативных окликов политиков, высших государственных чиновников, журналистов и обычных интернет-пользователей. Обсуждение символа и его интерпретации американским изданием превратилось в дискуссию о специфике российского и американского отношения к Родине [Рябова, Романова, 2015].

Подводя итоги, отметим, что символы выступают важным элементом политической мобилизации. В различных культурах одним из наиболее

⁷ Наверное, о реакции общества на эти планы может свидетельствовать то, что посвященная ей статья обозревателя «Комсомольской правды» А. Гришина, озаглавленная «Родина-мать, прости нас за этих уродов!», начинается несколько необычно: «Очень трудно не ругаться матом. Практически невозможно» [Гришин, 2012].

привлекаемых в мобилизационные практики символов является материнский символ нации; он занимает заметное место в процессах мобилизации и в России. Мы проанализировали использование образа с плаката Тоидзе «Родина-мать зовет!», включаемого в мобилизационные призывы различными агентами мобилизации: государством, СМИ, церковью, политическими партиями и общественными движениями. Формы, в которых представители большинства политических сил прибегают к использованию данного символа, многообразны: призыв к участию в голосовании, обеспечивающий электоральную активность; призыв голосовать за собственную партию или кандидата; призыв участвовать в акциях протеста против властей с экономическими или политическими требованиями; призыв защищать Родину от внешних и внутренних врагов. Символическая политика, формой которой являются мобилизационные призывы, представляет собой конкуренцию различных способов интерпретации социальной реальности [Малинова, 2012]; в случае эксплуатации материнского символа Родины это сопровождается соперничеством по вопросу о его трактовке. Использование символа «Родина-мать», ассоциируемого в том числе с военной мобилизацией, обеспечивает привлечение внимания, наделяя маркируемое таким способом событие повышенной значимостью. Этот эффект может быть объяснен с помощью теории депривации: эффективность мобилизационных усилий в значительной степени определяется тем, как создается у объекта мобилизации ощущение опасности лишения доступа к значимым материальным или символическим ресурсам. Показательно, что статусом сакральности наделяют не только Россию-Родину, но и соотносимые с ней символы, включая плакаты и монументы, о чем свидетельствуют случаи, связанные с отношением к волгоградскому монументу «Родина-мать зовет!». Мобилизационный потенциал материнского символа позволяет предположить, что и на предстоящих парламентских и президентских выборах в России он будет замечен.

Библиографический список

- Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.* Социологический словарь. 2008. URL: <http://www.psyoffice.ru/slovar-s229.htm> (дата обращения: 20.10.2015).
- Агулова Ф.* «Не закрутишь гайки — не соберешь мебель». 04.02.2012. URL: <http://www.utro.ru/articles/2012/02/04/1026775.shtml> (дата обращения: 20.10.2015).
- Большой толковый социологический словарь / под ред. Д. Джери, Дж. Джери. М.: Аст, 1999. 543 с.
- Будина М. Э.* Символы цветных революций в составе их наименований // Концепт. 2014. № 8. С. 126—130.
- Гончаров Д. В.* Политическая мобилизация // Политические исследования. 1995. № 6. С. 129—137.
- Гришин А.* Родина-мать, прости нас за этих уродов! // Комсомольская правда. 2012. 29 ноября. URL: <http://www.kp.ru/daily/25993.4/2922635/> (дата обращения: 20.10.2015).
- Как чиновники искали «новый символ» Волгограда и что из этого вышло. 03.12.2012. URL: <http://www.pravda.ru/politics/parties/other/03-12-2012/1136997-symbol-0/#sthash.qWN6vQ4q.dpuf> (дата обращения: 20.10.2015).

- Кремень Т. В. Компоненты политической мобилизации // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. Новосибирск: СибАК, 2013. № 8 (28). URL: <http://sibac.info/sibac.info/2009-07-01-10-21-16/10092-> (дата обращения: 20.10.2015).
- Малахов В. С. Национализм как политическая идеология: учебное пособие. М.: КДУ, 2005. 320 с.
- Малинова О. Ю. Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России // Политическая экспертиза. 2012. Т. 8, № 4. С. 179—204.
- Патриарх Кирилл: статуя Родины-Матери олицетворяет подвиг нашего народа // За веру православную. 2012. Декабрь. URL: http://za-veru.ru/actual_info/13/2308/ (дата обращения: 20.10.2015).
- Политология: словарь-справочник / под ред. М. А. Василика, М. С. Вершинина и др. М.: Гардарики, 2001. 328 с.
- Пономарёва Е. Г. Секреты «цветных революций» // Свободная мысль. 2012. № 1—2. С. 43—59.
- «Родина-мать» в рекламе. 2015. URL: https://vk.com/album-93433867_217688641 (дата обращения: 20.10.2015).
- «Родина-мать», печатный орган и бдения в полиции. 12.09.2015. URL: <http://www.33polit.info/news/rodina-mat-pechatnyj-organ-i-bdeniya-v-policii/#comment-114725> (дата обращения: 20.10.2015).
- Россия, мать, иди гулять! 2015. URL: http://kiev1.org/wp-content/uploads/2014/04/1496658_632042736869558_1520984541_n.jpg (дата обращения: 20.10.2015).
- Рябов О. В. Нация и гендер в визуальных репрезентациях военной пропаганды // Женщина в российском обществе. 2005. № 3—4. С. 19—28.
- Рябов О. В. Мать и мачеха: материнский символ России в легитимации присоединения Крыма к Российской Федерации // Женщина в российском обществе. 2014а. № 4. С. 40—50.
- Рябов О. В. «Родина-Мать» в истории визуальной культуры России // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История. 2014б. № 1. С. 90—113.
- Рябов О. В. «Родина-мать» в символической политике периода «Болотной революции»: легитимация и делегитимация власти // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4. С. 81—100.
- Рябова Т. Б., Романова А. А. Гендерное измерение российского антиамериканизма: (к постановке проблемы) // Женщина в российском обществе. 2012. № 3. С. 21—35.
- Рябова Т. Б., Романова А. А. «Родина-мать» как культурно-семиотический ресурс современного российского антиамериканизма // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4. С. 168—183.
- Рябова Т. Б., Рябов О. В. Настоящий мужчина российской политики // Политические исследования. 2010. № 5. С. 48—63.
- Сабитова А. «Теперь Мать-Украина нуждается в вашей помощи и участии как никогда» // Коммерсант. 2014. 20 апреля.
- Самую креативную фотографию конкурса «Голосовать — это модно» выбрали в Удмуртии. 04.09.2014. URL: <http://susanin.udm.ru/news/2014/09/04/430019> (дата обращения: 20.10.2015).
- Ситнова И. Сравнительный анализ «цветных революций» в странах постсоветского пространства // Власть. 2011. № 5. С. 145—147.
- Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 446 с.
- Цалко Е. О., Рябова Т. Б. Русскость и европейскость сквозь призму гендерных идентификаторов // Женщина в российском обществе. 2010. № 2. С. 57—65.

- Шарп Дж.* От диктатуры к демократии: стратегия и тактика освобождения. М.: Новое изд-во, 2011. 84 с.
- Шульц Э. Э.* Теория социальных движений: проблемы теории и практики // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 4. С. 23—30.
- Чимерис Е.* Роль молодежного движения в трансформации политического режима: (на примере движения «Отпор» в Сербии) // Политнаука. 2015. URL: <http://www.politnauka.org/library/molpolit/chimiris1.php> (дата обращения: 20.10.2015).
- Экспертное обсуждение проблем современной массовой политики в России: материалы круглого стола в ИС РАН / под ред. С. В. Патрушева. 04.03.2015. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Stenogramma_expert_obsuzhdeniya_04.03.15.pdf (дата обращения: 20.10.2015).
- Яницкий О. Н.* Массовая мобилизация: проблемы теории // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 3—12.
- Cameron D. R.* Toward a theory of political mobilization // *The Journal of Politics*. Vol. 36, № 1 (February, 1974). P. 138—171.
- Jenkins J. C.* Resource mobilization theory and the study of social movements // *Annual Review of Sociology*. Vol. 9 (1983). P. 527—553.
- Klandermans B.* Mobilization and participation: social-psychological expansions of resource mobilization theory // *American Sociological Review*. Vol. 49, № 5 (October, 1984). P. 583—600.
- Kowalewski D.* The protest uses of symbolic politics in the USSR // *The Journal of Politics*. Vol. 42, № 2 (May, 1980). P. 439—460.
- Marquette J. F.* A logistic diffusion model of political mobilization // *Political Behavior*. Vol. 3, № 1 (1981). P. 7—30.
- Mettler S., Soss J.* The consequences of public policy for democratic citizenship: bridging policy studies and mass politics // *Perspectives on Politics*. Vol. 2, № 1 (March, 2004). P. 55—73.
- Du Preez P.* *The Politics of Identity: Ideology and the Human Image*. Oxford: Blackwell, 1980. 178 p.
- Riabov O., Riabova T.* Remasculinization of Russia? Gender, nationalism and legitimation of power under Vladimir Putin // *Problems of Post-Communism*. 2014. Vol. 61, № 2. P. 23—35.
- Rokkan S.* Mass suffrage, secret voting and political participation // *Political Sociology* / ed. by L. A. Coser. New York: Harper & Row: Harper Torchbooks, 1967. P. 101—131.
- Smitherman-Donaldson G., van Dijk Teun A.* Introduction: words that hurt // *Discourse and Discrimination*. Detroit: Wayne State University Press, 1988. P. 17—21.

References

- Aberkrombi, N., Khill, S., Terner, B. (2008) *Sotciologicheskii slovar'* [Dictionary of sociology], available from <http://www.psyoffice.ru/slovar-s229.htm> (accessed 20.10.2015).
- Budina, M. E. (2014) Simvoly tsvetnykh revoliutsii v sostave ikh imenovaniï [Symbols of color revolutions within their naming], *Kontsept*, no. 8, pp. 126—130, available from <http://e-koncept.ru/2014/14224.htm> (accessed 20.10.2015).
- Cameron, D. R. (2014) Toward a theory of political mobilization, *The Journal of Politics*, vol. 36, no. 1, February, pp. 138—171.

- Chimeris, E. (2015) Rol' molodëzhnogo dvizheniia v transformatsii politicheskogo rezhima: (Na primere dvizheniia "Otpor" v Serbii) [Youth movement in changing political regime: (Case of "Otpor" in Serbia)], *Politnauka*, 2015, available from <http://www.politnauka.org/library/molpolit/chimiris1.php> (accessed 20.10.2015).
- Du Preez, P. (1980) *The Politics of Identity: Ideology and the Human Image*. Oxford: Blackwell.
- Fuko, M. (1996) *Volia k istine: Po tu storonu znaniia, vlasti i sexual'nosti* [The will to truth: On the other side of knowledge, power and sexuality], Moscow: Kastal'.
- Goncharov, D. V. (1995) Politicheskaia mobilizatsiia [Political mobilization], *Politicheskie issledovaniia*, no. 6, pp. 129—137.
- Jenkins, J. C. (1983) Resource mobilization theory and the study of social movements, *Annual Review of Sociology*, vol. 9, pp. 527—553.
- Jary, D., Jary, Ju. (eds) (1999) Bol'shoi' tolkovyi' sotsiologicheskii slovar' [Collins dictionary sociology], Moscow: Ast.
- Klandermans, B. (1984) Mobilization and participation: social-psychological expansions of resource mobilization theory, *American Sociological Review*, vol. 49, no. 5, October, pp. 583—600.
- Kowalewski, D. (1980) The protest uses of symbolic politics in the USSR, *The Journal of Politics*, vol. 42, no. 2, May, pp. 439—460.
- Kremen', T. V. (2013) Komponenty politicheskoi' mobilizatsii [Components of political mobilization], *Actual'nye voprosy obshchestvennykh nauk: sotsiologiia, politologiia, filosofiiia, istoriia*, no. 8 (28), Novosibirsk: SibAK, available from <http://sibac.info/sibac.info/2009-07-01-10-21-16/10092-> (accessed 20.10.2015).
- Malakhov, V. C. (2005) *Natsionalizm kak politicheskaiia ideologiia* [Nationalism as a political ideology], Moscow: KDU.
- Malinova, O. Yu. (2012) Politicheskoe ispol'zovanie proshlogo kak instrument simvolicheskoi' politiki: evoliutsiia diskursa vlastvuiushchei' elity v postsovetskoi' Rossii [Political use of the past as a tool of symbolic politics: evolution of power elite discourse in the Post-Soviet Russia], *Politicheskaiia ekspertiza*, vol. 8, no. 4, pp. 179—204.
- Marquette, J. F. (1981) A logistic diffusion model of political mobilization, *Political Behavior*, vol. 3, no. 1, pp. 7—30.
- Mettler, S., Soss, J. (2004) The Consequences of public policy for democratic citizenship: bridging policy studies and mass politics, *Perspectives on Politics*, vol. 2, no. 1, March, pp. 55—73.
- Patrushev, S. V. (ed.) (2015) *Èkspertnoe obsuzhdenie problem sovremennoi' massovoï politiki v Rossii: Materialy kruglogo stola v Institute Sotsiologii*, 04.03.2015 [Contemporary mass politics: Expert discussion. Proceedings of round table in the Institute of Sociology], available from http://www.isras.ru/files/File/publ/Stenogramma_expert_obsuzhdeniya_04.03.15.pdf (accessed 20.10.2015).
- Ponomarëva, E. G. (2012). Sekrety "tsvetnykh revoliutsii" [Secrets of "color revolution"], *Svobodnaia mysl'*, no. 1—2, pp. 43—59.
- Riabov, O. V. (2005) Natsiia i gender v vizual'nykh reprezentatsiiaikh voennoi' propagandy, *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3—4, pp. 19—28.
- Riabov, O. V. (2014a) Mat' i machekha: materinskii' simvol Rossii v legitimatsii prisoedineniia Kryma k RF [The mother and the step-mother: the maternal symbol of Russia in legitimation of Crimea joining the Russian Federation], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 40—50.
- Riabov, O. V. (2014b) "Rodina-mat'" v istorii vizual'noi' kul'tury Rossii [The "Motherland" in the Russian visual culture], *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia Istoriiia, no. 1, pp. 90—113.

- Riabov, O. V. (2015) “Rodina-mat” v simvolicheskoi politike perioda “Bolotnoi revoliutsii”: legitimatsiia i delegitimatsiia vlasti [The “Motherland” in the symbolic politics of the “Snow Revolution” in Russia (2011—2013): legitimizing and delegitimizing power], *Labirint*, no. 4, pp. 81—100.
- Riabov, O., Riabova, T. (2014) Remasculinization of Russia? Gender, nationalism and legitimation of power under Vladimir Putin, *Problems of Post-Communism*, vol. 61, no. 2, pp. 23—35.
- Riabova, T. B., Riabov, O. V. (2010) Nastoiashchii muzhchina rossiiskoi politiki [Real man of Russian politics], *Politicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 48—63.
- Riabova, T. B., Romanova, A. A. (2015) “Rodina-mat” kak kul’turno-semioticheskii resurs sovremennogo rossiiskogo antiamericanizma [“Motherland” as cultural and semiotic resource in the contemporary Russian anti-Americanism], *Labirint*, no. 4, pp. 168—183.
- Rokkan, S. (1967) Mass suffrage, secret voting and political participation, in: Coser, L. A. (ed.), *Political Sociology*, New York: Harper & Row, Harper Torchbooks, pp. 101—131.
- Sitnova, I. (2011) Sravnitel’nyi analiz “tsvetnykh revoliutsii” v stranakh postsovetskogo prostranstva [“Color revolutions” in post-Soviet countries: comparative analysis], *Vlast’*, no. 5, pp. 145—147.
- Sharp, J. (2011) *Ot diktatury k demokratii: Strategii i taktika osvobozhdeniia* [From dictatorship to democracy: A conceptual framework for liberation], Moscow: Novoe izd-vo.
- Shul’ts, È. È. (2014) Teoriia sotsial’nykh dvizhenii: problemy teorii i praktiki [Theory of social movements: problems of theory and practice], *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta*, seria Gumanitarnye i social’nye nauki, no. 4, pp. 23—30.
- Smitherman-Donaldson, G., van Dijk Teun, A. (1988) Introduction: words that hurt, in: *Discourse and Discrimination*, Detroit: Wayne State University Press, pp. 17—21.
- Tsalko, E. O., Riabova, T. B. (2010) Russkost’ i evropeiskost’ skvoz’ prizmu gendernykh identifikatorov [Russianness and Europeaness through the prism of gender identity markers], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 57—65.
- Vasilik M. A., Vershinin M. S. (eds) (2001) *Politologiya: slovar’-spravochnik* [Political sciences: Dictionary], Moscow: Gardariki.
- Yanitskii, O. N. (2012) Massovaia mobilizatsiia: problemy teorii [Mass mobilization: problems of theory], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 6, pp. 3—12.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список иллюстраций

1. О. Груздев Митинг в Москве. 21 марта 1993 г. (День. 1993. № 12).
2. Родина-мать зовет! 6 мая 2012 г. Народный марш. (URL: https://scontent.xx.fbcdn.net/hphotos-xfa1/v/t1.0-9/562217_152089468254180_1616620128_n.jpg?oh=7a77b125eeabac8fe5481c6ee4e327c4&oe=56185D7F) (дата обращения: 20.10.2015).
3. Родина-мать зовет! Настал наш черед защитить Отечество. 2012 г. (URL: <http://yakobinets.livejournal.com/156261.html>) (дата обращения: 20.10.2015).
4. Россия сделала выбор! 2011 г. (URL: <http://patriofil.ru/photo/4-0-273>) (дата обращения: 20.10.2015).
5. Родина-мать зовет! Крым. Референдум. 2014 г. (URL: http://www.odinfakt.ru/galereya/rodinamat_zovet_refere/) (дата обращения: 20.10.2015).
6. Самую креативную фотографию конкурса «Голосовать — это модно» выбрали в Удмуртии. 2014 г. (URL: <http://susanin.udm.ru/news/2014/09/04/430019>) (дата обращения: 20.10.2015).

Иллюстрации



1



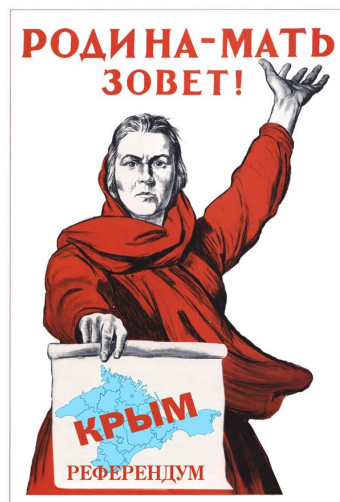
2



3



4



5



6